

"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"

№1 2009 год

классическое наследие

Кабкова Елена Павловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией интеграции искусств и МХК Института художественного образования РАО,
Стукалова Ольга Вадимовна, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник ИХО РАО.
e-mail: chif599@mail.ru

К 200-летию Н. В. Гоголя

2009 год проходит под знаком творчества великого русского писателя, обладающего, по определению Ф. М. Достоевского, «страшным могуществом смеха», загадочного гения в «смеющейся маске», поистине неисчерпаемого Николая Васильевича Гоголя. Этому событию посвящены конференции, симпозиумы, семинары, по всему миру проходят премьеры спектаклей по произведениям писателя, снимаются фильмы.

В феврале в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве состоялись XVII Международные Рождественские чтения, посвященные творчеству писателя и его влиянию на развитие и сохранение лучших традиций отечественной культуры (Рождественские чтения «Русский язык и литература в созидании отечественной культуры» (к 200-летию Н. В. Гоголя).

Председателем конференции стал архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий; сопредседателями выступили такие видные деятели отечественной культуры, как Евгений Михайлович Ряпов, поэт, академик РАЕН, действительный член Академии Российской литературы, президент Международного Центра культурных связей, президент Клуба меценатов и благотворителей России; Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, ректор Литературного института им. А.М. Горького; протоиерей Всеволод Чаплин, зам. председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Кураторы чтений: Людмила Владимировна Стальнова, член Союза литераторов России, поэт, публицист; Виктор Ильич Калугин, писатель и литературовед, член Союза писателей России.

Во вступительном слове Е.М. Ряпов отметил значимость творческого наследия Николая Васильевича Гоголя для отечественной культуры. Как справедливо было отмечено многими исследователями творчества писателя, нельзя отрывать Гоголя-художника от Гоголя-мыслителя, так как смысл и функция искусства предстали перед ним в новом свете. По мысли Гоголя, искусство таит в себе силу духовного преображения людей. Гоголь писал о том, что нельзя служить искусству, «...не уразумев высшей цели искусства и не определив себе, зачем дано нам искусство. Другие дела наступают для поэзии ... она должна вызывать на высшую битву – не за временную нашу свободу, права и привилегии, но за нашу душу».

Участники конференции обращались к самым различным аспектам жизненного и творческого пути Гоголя и его влияния на русскую культуру. Так, доклад архимандрита Алексия (Поликарпова), наместника Свято-Данилова ставропигиального мужского монастыря, был посвящен истории захоронения писателя в Свято-Даниловом монастыре. Б.Н. Тарасов, доктор филологических наук, ректор Литературного института им. А.М. Горького, затронул в своем сообщении тему сравнения позиций двух выдающихся русских мыслителей XIX века – П.Я. Чаадаева и Н.В. Гоголя.

К участию в конференции были подключены не только филологи и теологи. Так, о взаимодействии традиций русской культуры и духовной музыки рассказал известный композитор, лауреат Государственной премии, член Президентского совета по культуре и искусству А.Л. Рыбников; проблеме интерпретации идей добротолубия в поэзии Михаила Светлова было посвящено выступление кинорежиссера А.М. Светлова, сына замечательного поэта.

Особо пристальное внимание участников конференции привлек доклад крупнейшего современного исследователя творчества Н.В. Гоголя – доктора филологических наук, действительного члена Российской академии естественных наук, профессора РГГУ Юрия Владимировича Манна, который назвал свое выступление «Неисчерпаемый Гоголь».

Исследователь подчеркнул, что при жизни Гоголя, да и в течение многих десятилетий позже, никто бы не подумал, что 200-летие со дня его рождения будет отмечаться как культурное событие мирового значения. Хотя, как затем уточнил докладчик, в России писатель был признан буквально с первой своей прозаической книги, сборника повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831-1832), но постижение глубины его творений давалось не сразу, требовало и времени и сил.

«...Все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы», - писал о «Вечерах» Пушкин. Всеобщее впечатление читателей и критиков от этой книги было связано с ощущением «веселости, простодушной и вместе лукавой» (А.С. Пушкин). Между тем почти не замеченным оказалось то свойство книги, которое Пушкин обозначил словом «лукавый».

По мнению Ю.В. Манна, главные особенности «Вечеров» - это стремление к обобщению, сложность решения вопроса о соотношении добра и зла, простодушное «лукавство» повествования, заставлявшее читателя отказываться от первоначального впечатления в пользу другого, более глубокого. Все это получило развитие в последующих гоголевских произведениях (сборники «Миргород» и «Арабески»).

После появления этих сборников В.Г. Белинский назвал Гоголя «чародеем». Одним из высших проявлений гоголевского чародейного искусства, отметил ученый, является написанная в 1836 г. повесть «Нос». Действительно, в этой «шутке», говоря пушкинскими словами, очень много «неожиданного»: особенно взаимопроникновение фантастического и реального. Событие, о котором рассказывается в повести, нелепое. Но манера описания конкретная, даже деловая: с точным обозначением места действия и дат. В обрисовке Ковалева, как и других персонажей повести, немало сатирической соли, но к обличению повесть не сводится. В исполненной неподражаемого комизма «шутке» Гоголя есть доля и того значения, которое выражено еще одной пушкинской формулой – «насмешка неба над землей».

В своем докладе ученый остановился и на величайшем драматическом произведении Гоголя – «Ревизоре», художественный мир которого неисчерпаем и бесконечно глубок. Хлестаков, по словам Гоголя, - «лживый, олицетворенный обман», и то действие, которое разворачивается с его невольным участием, приобретает миражный, гротескный отсвет.

Этот отсвет, по словам Ю.В. Манна, ощутим и в поэме «Мертвые души», произведении, которому Гоголь отдал почти семнадцать лет (первый том вышел в 1842 г., второй был уничтожен автором незадолго перед смертью; сохранились лишь фрагменты черновой редакции).

Уже первоначальный замысел - «показать хотя с одного боку всю Русь» - обнаруживал чисто гоголевскую сложность задания. «С одного боку» – значит со стороны недостатков, пороков, «несправедливостей». Но сатирой дело не ограничивается – напротив, как и в «Ревизоре», да и во всех других гоголевских произведениях, сатира – только одна из красок многоцветной и яркой палитры. У формулы «мертвая душа» есть вполне конкретный, впрочем, чреватый противоречиями смысл – обозначение умершего крепостного крестьянина, еще числящегося в списках (так называемых ревизских сказках) и потому обладающего неким странным, «призрачным» существованием.

На этом алогизме надстраиваются слои других значений: мертвенность как определенное психологическое состояние, погружение исключительно в сферу материальных и корыстных забот; мертвенность как отчуждение от общих интересов; мертвенность как запутанный и извращенный строй человеческих отношений.

Испытывая огромные трудности с написанием второго тома, Гоголь задумал другую, необычную книгу – «Выбранные места из переписки с друзьями».

Это был в основном язык публицистики, моральных наставлений, проповеди. Наиболее сильная сторона этой книги – утверждение мысли о необходимости преображения каждого в духе

гуманности, христианского мировосприятия и поведения. В то же время Гоголь отодвигал в сторону проблему, которая так остро стояла тогда перед Россией – о необходимости социальных преобразований и отмены крепостного права. Но это не значит, что он смирился с существующим положением вещей. Называя свои прежние сочинения «необдуманными и незрелыми», автор «Выбранных мест...» в действительности продолжает их главный мотив – мотив «пошлости пошлого человека». Несмотря на видимую определенность, прямолинейность, категоричность, «Выбранные места...» не так просты и однозначны, как это показалось некоторым современникам.

В заключение Ю.В. Манн подчеркнул, что необъятное значение Гоголя для русской литературы раскрывалось постепенно, в течение длительного времени, и это вполне соответствовало бесконечно сложной природе этого писателя.

11 февраля состоялось заседание Бюро литературы и языка Российской академии наук, посвященное двухсотлетней годовщине Николая Васильевича Гоголя (Заседание Отделения историко-филологических наук Российской академии наук).

Открыл заседание академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН А.П. Деревянко. Специально приглашенным докладчиком выступил Ю.В. Манн, которого представил директор Института мировой литературы, академик А.Б. Куделин, довольно остро обозначивший проблемы, возникающие на пути издания полного собрания сочинений писателя. Главным редактором этого, без преувеличения, уникального издания является Юрий Владимирович Манн, м ногочисленные труды которого посвящены главным образом русской классической словесности и, прежде всего, – творчеству Н.В. Гоголя .

К сожалению, как подчеркнул А.Б. Куделин, кропотливый труд филологов, работающих над этим проектом, по сию пору остается малооцененным. Он не только низко оплачивается, но и издается мизерным тиражом в 100 экземпляров. Между тем вышедшие три тома издания имеют большой положительный резонанс в научных кругах не только России, но и за рубежом. Далее выступавший выразил надежду, что проходящие в юбилейный год конференции, чтения, симпозиумы смогут оказать влияние на то, чтобы столь важное для сохранения наследия Гоголя издание получило поддержку общественности и государства.

Ю.В. Манн посвятил свой доклад одной из главных загадок творчества писателя – эпизоду уничтожения им второго тома главной книги жизни – поэмы «Мертвые души». Далее мы приводим сокращенную запись доклада.

«Зачем сожжен второй том «Мертвых душ»? – этот вопрос Гоголь задавал еще в 1846 году в связи с уничтожением первоначальной редакции второго тома, имевшем место летом 1845 г . Новое сожжение отчасти обуславливалось прежними импульсами, вместе с тем к ним присоединились и новые – и все это было обострено мучительным, критическим, предсмертным состоянием Гоголя. Собственно акт уничтожения и выразил это состояние, поставив в судьбе писателя последнюю точку.

Относительно события, имевшего место в ночь с 11 на 12 февраля 1852 г ., существуют различные мнения, но все они сводятся примерно к пяти точкам зрения.

1. Гоголь сжег второй том, его в основном законченную редакцию, и сделал он это вполне осознанно.
2. Факта сожжения второго тома не было, так как Гоголь его не закончил и этого тома, как принято говорить, просто не находилось в наличии.
3. Писатель действительно уничтожил рукопись, но случайно, по роковой ошибке, намереваясь сжечь другие бумаги. Эту мысль высказывали авторитетные ученые, в частности Василий Гиппиус, Юрий Иваск.
4. Рукопись второго тома была спрятана – эту сенсационную версию выдвинула в 1959 г . Е. Смирнова-Чикина. Дескать, Гоголь под влиянием знаменитого письма Белинского резко изменил направление, написал второй том в «прогрессивном духе», что не понравилось окружавшим

реакционерам, прежде всего А.П. Толстому. Они-то и припрятали рукопись второго тома, создав легенду об ее сожжении. Сочинение Е. Смирновой-Чикиной так и называется: «Легенда о Гоголе».

5. Рукопись второго тома была действительно спрятана, но не врагами, а друзьями Гоголя, возможно при согласии или участии самого писателя. Об этом, например, пишет известный норвежский славист Гейр Хетсо, автор многих интересных работ, в частности, фундаментальной монографии о Баратынском. И выражает оптимистическое мнение, что рукопись второго тома еще может найтись.

Существует множество свидетельств в пользу положительного ответа на вопрос о том, был ли закончен второй том. Так, еще М.П. Погодин в некрологической заметке о Гоголе упоминал, что после чтения второго тома Шевыреву (летом 1851 г.) писатель «сам попросил напечатать в журнале известие о скором его издании вместе с умноженным первым» (Москвитянин, 1852, № 5, с. 47).

Правда, сказанному как будто противоречит замечание Матвея Константиновского, что он видел только первые три и еще «должно быть» седьмую главу, а другие «были без означения», но это говорит о том, что Гоголь постоянно возвращался к тексту, правил, беря из общей стопки то одну, то другую тетрадку. По-видимому, семь глав он считал уже достойными чтения друзьям, остальные (предположительно четыре) намеревался доработать в течение ближайших месяцев. Поэтому можно утверждать (с необходимой оговоркой), что уничтоженная редакция текста была в основном закончена. Что же касается правки и дополнений, то Гоголь, по своему обыкновению, вносил бы их до последней возможности.

Теперь о мнении, будто бы рукопись была утаена или уничтожена А.П. Толстым и другими из низких побуждений. Мнение это сродни бытующим версиям, будто бы Дантес стрелялся с Пушкиным, надев кольчугу, или что Лермонтова убил спрятавшийся за углом наемный стрелок (Мир новостей, 2002, 30 июля, с.25). Прежде всего – окружавшие Гоголя люди отличались честностью и порядочностью, подозревать их в коварстве и нечистоплотности нелепо и смешно. Кроме того, они имели не совсем не те представления о смысле второго тома поэмы, как и вообще о творчестве Гоголя, чем литературоведы, обвинившие их в сокрытии «революционного» произведения.

Несколько слов о «случайности» уничтожения Гоголем второго тома. Представим себе еще раз картину событий: Гоголь ночью, тайком от всех, пробирается в комнату, где стоит печь, многократно молится при совершении действия, потом в изнеможении ложиться на диван и плачет... Нет, ненужные бумаги так не уничтожают. Что же касается письма Белинского (кстати, наличие которого в это время у Гоголя ничем не подтверждается), то избавиться от него не представляло никаких трудностей; ну поднеси эти несколько страничек к свече – и дело с концом...

Истоки трагедии – в эволюции Гоголя, писательской, творческой, духовной; в характере замысла «Мертвых душ» как итоговой, главной книги; в особенностях созданной ею ситуации, личной и общественной.

Поэма была задумана как универсальное произведение, соответствующее универсализму мышления Гоголя. Оно должно была открыть тайну русской жизни, а через нее – и тайну человечества. Тайна раскроется со временем; приступая к произведению, Гоголь ее еще не знает, он только предчувствует ее, веря – желая верить – что это в конце концов произойдет. Длительность написания поэмы, издание ее по частям, с большими интервалами – значащий фактор самого ее содержания. Тайна созревает постепенно, напрягая ожидание читателя, обостряя его нетерпение, заставляя переходить от первоначального, подчас поверхностного, а то и превратного впечатления к другому, более глубокому. Написание и обнародование текста превращается в род общественного действия.

«Мертвые души», помимо всего, должны были раскрыть и тайну предназначения и судьбы народа. Задачу эту Гоголь намеревался решить с помощью своих читателей, что отразилось в его предисловии ко второму изданию «Мертвых душ» (1846). Читателю, каким бы он ни был: образованным или невежей, обличенным «высшим чином» или «человеком простого сословия», знающим толк в искусстве или ничего в нем не смыслящим, – словом, каждому вменялось в обязанность поправлять автора, подсказывать ему верные ходы и решения.

Гоголю теперь мало активного читательского интереса, направленного на ожидание и раскрытие великой тайны; читатель подключался к самому творческому процессу. Подключался не только как корректный помощник (скажем, как источник реального материала), но и как своеобразный соавтор, точнее даже как некая высшая инстанция, нависшее над писателем недреманное око. Насколько реальны были такие ожидания или насколько прислушивался бы Гоголь к советам и наставлениям (скорее всего он конца сохранил бы за собой свободу решения) – другой вопрос. Важно уже то, что эта позиция была сформулирована и публично провозглашена, тем самым она превратилась в активный фактор гоголевского психологического настроения; ведь воображаемое и гипотетическое (особенно у таких впечатлительных натур, как Гоголь) нередко приобретает статус действительного и реального.

Тем самым нарушались устойчивые координаты гоголевского самоощущения, и год от года это нарушение ощущалось сильнее и мучительнее. С одной стороны, Гоголю была свойственна величайшая скрытность и в деле творчества и тем более, как он говорил, в «деле души». С другой – читатели получали доступ к тайнам души и творчества писателя, или если не доступ, то возможность соприкосновения, контакта, один намек на который вызывал у него болезненную реакцию.

С одной стороны, Гоголь удалился от света, вел одинокую, скитальческую жизнь человека, еще не готового к общению, всецело занятого внутренним устройством души своей. А с другой – Гоголь демонстративно открывал себя всем треволнениям публичности. «Не заглядывая» в свет, он приглашал свет заглянуть в келью художника и мыслителя, чтобы стать докучливым соглядатаем его внутреннего воспитания.

С одной стороны, Гоголю было свойственно ощущение избранности. То, что надлежит сделать, может сделать только он один. «Я» и «Россия», творец «Мертвых душ» и народ – так обозначились полюса еще в первом томе. Между автором и Русью нет посредников; их связь прямая и кратчайшая. По мере продвижения работы над поэмой гоголевское ощущение избранности и мессианства усиливалось. Но, с другой стороны, каждый читатель оказывается причастным к высокой миссии художника, получает право вмешаться в нее и диктовать свои условия. Пусть эта перспектива была во многом нереалистичной и условной, – одно ее декларирование не могло не оказывать обратного, угнетающего воздействия на Гоголя.

Настроение Гоголя последних лет и особенно последних месяцев его жизни, постоянные колебания и резкие, подчас необъяснимые переходы, помимо чисто физиологических причин, имели глубокую душевную подкладку. Со дна его сознания неотвратимо вставал один и тот же вопрос: получилось или не получилось? И вся длинная череда чтений поэмы знакомым и друзьям представляла собою не что иное, как устроенный писателем самому себе долгий экзамен, результаты которого требовали все новых и новых подтверждений. Казалось, все склоняло к утвердительному ответу: и нелицемерное выражение восторга слушателей и все растущий интерес и нетерпение, с которым они ожидали и новых чтений и, наконец, появления второго тома в печати. Но Гоголь был недоверчив, подозрителен. В согласном хоре одобрительных голосов он улавливал диссонансы.

Между тем писатель хотел, чтобы его книга встретила понимание и со стороны властей предрержащих и людей любого звания, сословия, культурного уровня и традиций. Эта была не только задача художественная, но социальная, религиозная; это была высшая миссия, которая объяснит и оправдает, наконец, смысл его существования. Стремясь достигнуть этой цели, Гоголь обрекал себя на бесконечный процесс изменения и совершенствования текста, а поскольку все это, в его глазах, зависело от душевного состояния, обрекал себя на бесконечный процесс самовоспитания.

Что значит, если не получилось? Это значит, что писателя оставляет та божественная, высшая сила, которая его вела, должна была вести к цели. Ощущение своей глухоты, черствости, недостаточной внутренней отзывчивости и взволнованности по отношению к этой силе Гоголь переживал давно, по крайней мере, со времени паломничества в Святую землю. Конечно, он винил прежде всего себя, но от этого ему было не легче, и результат вырисовывался объективным и неумолимым – в факторе «богооставленности».

Гоголь упорно боролся с этим чувством, и встреча с Матвеем Константиновским на первых порах помогала этой борьбе. Казалось, достаточно следовать примеру о. Матвея в выполнении

аскетических правил, и отношение с Богом будет восстановлено. Но Матвей Константиновский был неумолимо строг в этих правилах, рассматривая их соблюдение или несоблюдение в категориях борьбы земного, телесного, плотского с небесным, духовным, божественным. К тому же к области земного и греховного относилась им светская, художническая деятельность, примером которой являлся «язычник» Пушкин. Это особенно травмировало Гоголя, пробуждая и сопротивление и глубокую душевную боль.

Матвей Константиновский не скрывал, что советовал Гоголю уничтожить ряд тетрадок, потому что находил их содержание неверным и даже вредным. Он не считал себя поклонником «светских произведений» вообще, на первый план выдвигал нравственные моменты, говоря, что изображение священника нарушает православный канон («с католическими оттенками»), искажает реальность и оттого произведет вредное влияние на читателей. Отсюда вполне логично следовала мысль о греховности содержания поэмы в целом. Все это глубокой болью отзывалось в душе Гоголя, но, прежде всего потому, что из услышанного он извлекал свои выводы. Показалось неправдой, даже вредной неправдой – значит не сумел убедить. Не сумел убедить – значит, все содержание главной книги Гоголя осталось пустым призраком, не облеклось в плоть, не ожило. Но не ожило, потому что Бог лишил его зиждательной силы, силы творить. Если же Бог лишает своего покровительства, то оставленное душевное пространство занимает сила зла, дьявольская сила.

На следующий день после уничтожения рукописи Гоголь, согласно Погодину, сказал А.П. Толстому: «Вообразите как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после своей смерти» (Москвитянин, 1852, № 5, с. 49). В этих словах иногда видят доказательство случайного и непреднамеренного уничтожения рукописи, но они скорее всего имели другой смысл. Возможно, прежде всего, намерение предотвратить болезненные для него расспросы о случившемся. Но, возможно и то, что это было симптомом глубокого раскаяния, сожаления, признания, что ведь не все в рукописи вышло «слабым» (как забыть восторженные отклики многих слушателей?), что Бог окончательно не покинул его, что если бы не «злой дух», трагедии бы не произошло.

Психиатры установили у Гоголя наличие «маниакально-депрессивного психоза», который имел наследственные предпосылки (со стороны отца) и проявлялся и ранее – в приступах меланхолии, необъяснимых сменах настроения и т.д. Надо только добавить: каждый или почти каждый раз это состояние было связано с обстоятельствами художнического, творческого порядка. Тем более очевидна эта связь в последнем, предсмертном гоголевском кризисе. Острота его в том, что речь уже шла не о творческих решениях, не о художнических сомнениях, пусть самых мучительных и изнурительных, но о сущности всей деятельности и ее главного результата - поэмы Гоголя. Гоголь видит, что на ней уже не почивает Божья благодать. Принять смерть было легче, чем смириться с этой мыслью. Отсюда безбоязненное углубление «в созерцание предсмертного часа» (там же, стр. 196), стремление его приблизить, парадоксальная легкость умирания («Надобно же умирать», «Как сладко умирать»...) – и это у человека, который прежде так боялся смерти! По замечательно тонкому определению Ильина, «бедный гениальный мученик» просто «свернул крылья».